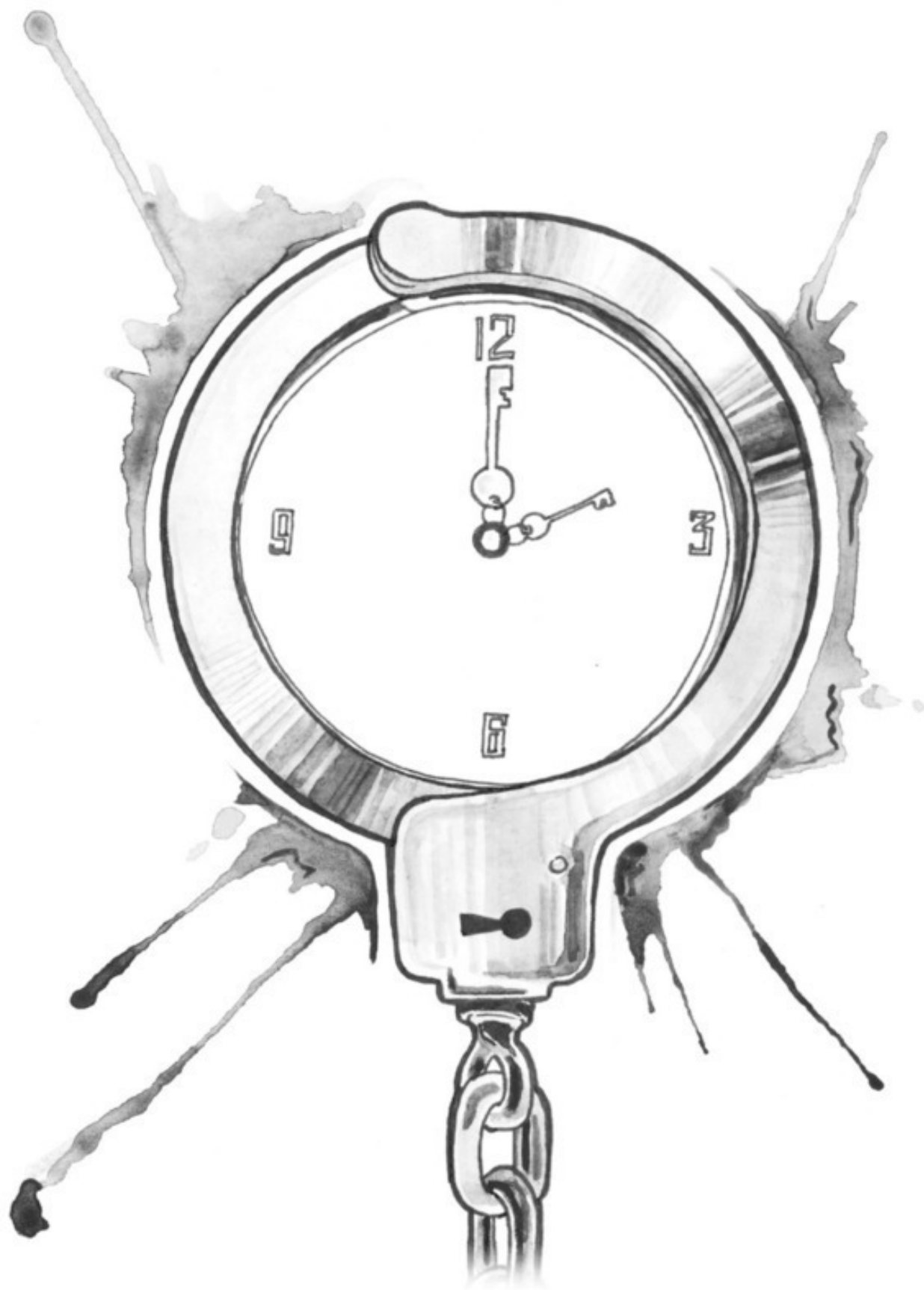

Отчаянный марафон

Евгений Мороков

Евгений Мороков

Отчаянный марафон

«Издательские решения»

Мороков Е.

Отчаянный марафон / Е. Мороков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902991-1

Помните ли вы свой предыдущий год? Как сильно он изменил ваш мир? И могут ли 365 дней разрушить все ваши планы на жизнь? В сборнике «Отчаянный марафон» главный герой Максим Маркин переживает год, который кардинально изменит его взгляды на жизнь, любовь, смерть и дружбу. Восемь самобытных рассказов, связанных между собой не только течением времени, но и неподдельными эмоциями. Каждая история привлекает своей откровенностью, показывая иной взгляд на жизненные ситуации.

ISBN 978-5-44-902991-1

© Мороков Е.
© Издательские решения

Содержание

Дорога домой	6
Здесь никого нет	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Отчаянный марафон

Евгений Мороков

В зеркале никогда нельзя увидеть правду, но можно увидеть её последствия.

Иллюстратор Рустам Салюков

Иллюстратор Юлия Селиванова

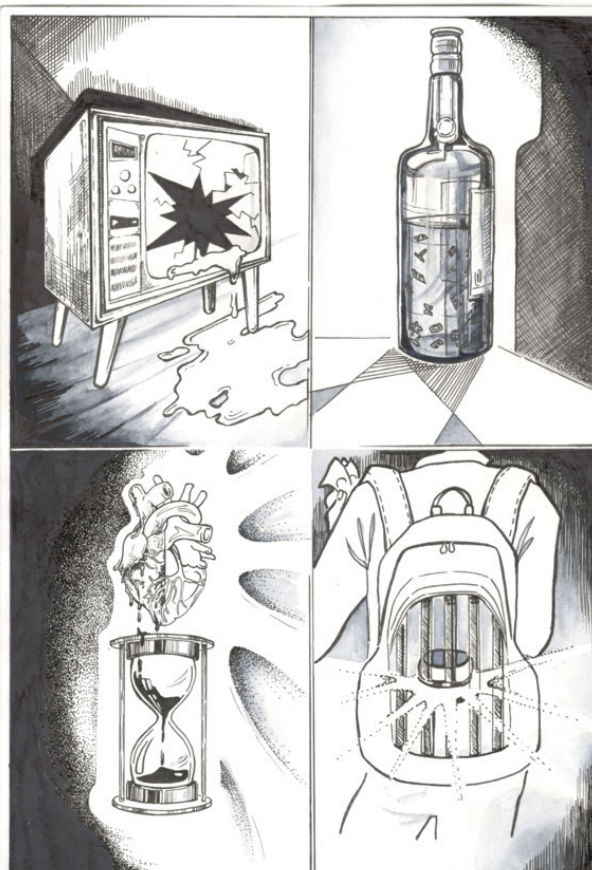
© Евгений Мороков, 2018

© Рустам Салюков, иллюстрации, 2018

© Юлия Селиванова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2991-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога домой

Мы зашли в кафе на набережной. С трудом нашли свободный стол на четверых. Меню нам никто не принес, поэтому мы позаимствовали его у соседнего столика. Арчи, как единственный трезвый человек, побежал по горячему, а я с Ариной выискивал знакомые слова, связанные с алкоголем. Через три минуты подошла официантка Ольга. На вид ей было около тридцати. Вторая молодость, или первая старость. Время осознания серости жизни, разбитых надежд и пустоты на дороге. Она была маленькой, худенькой блондинкой с измученными круглыми голубыми глазами, раскидывала подносы по столам, словно пиццамейкер раскидывает заготовки пицц в печь. Оливкового цвета кожа говорила о карьере, стартовавшей с самого первого дня сезона. Это также можно заметить по изношенным балеткам на варикозных ногах. Ничто так не убивает молодость, как бессмысленная физическая работа.

Мы с Ариной заказали бутылку коньяка «Коктебель», литр морса, салаты и нарезку. Арчи взял себе пасту, салат и молочный коктейль. Официантка лихо расправилась с шариковой ручкой, отправив ее прямо в изношенный фартук, затем скрылась за обшарпанными стенами заведения. Мы сидели на летней веранде, наблюдая за колоннами людей, движущихся в неизвестном направлении. Суэта царила повсюду. Разодетые в супергероев молодые парни развлекали детей, опустошая кошельки их родителей благодаря одной фотографии за двести рублей. Пожилые женщины предлагали крымские сувениры в виде расписных камней, массивных ракушек, мелких магнитиков и местных трав. Юные девушки торговали более ходовым товаром. Они закидали деревянные самодельные столы дешевыми игрушками, мыльными пузырями, электронными браслетами и яркими футболками. Деньги переходили из рук в руки. Для кого-то отдых, для кого-то кропотливая работа.

Арчи прервал наблюдения своим звонким голосом, задав вопрос сестре, вернув меня обратно к столу: «Рин, ты взяла себе сегодня выходной?» Мы выпили уже две рюмки коньяка. Арина, младшая сестра Арчи, сидела напротив меня рядом с братом. Ему двадцать три, она на два года его младше. Брат и сестра, похожие лишь тем, что у обоих маленькие острые подбородки, черные, как уголь в сырой печке, глаза и не по сезону загорелая кожа.

Арина работала в одном из десятков заведений, раскинутых вдоль моря. Каждое из них походило на предыдущее. Летняя шоу-программа, полуголые танцовщицы у входа, востребованная музыка и завышенные цены в баре. Это был ее третий сезон на песках города Феодосии. Она приезжала сюда в середине мая и возвращалась домой в начале октября. Из-за бумажек, в которых мы все так нуждаемся, приходится идти на жертвы. Она отдавала все, что у нее есть, – себя. Она жила в рабских условиях, проводя соленые теплые ночи в убитом спортзале, где стояли десятки двухъярусных железных кроватей, бегали тараканы, а по ночам пищали крысы.

Спортзал брали в аренду на весь сезон, чтобы разместить там сотрудников четырех заведений. Никто не следил за условиями человеческого существования. Люди всего лишь единицы, они рабочая сила. Если тебе не нравились ободранные потолки, прогнившие доски под ногами или грязные окна, через которые по утрам пробиваются яркие лучи, показывая всю мерзость твоего существования, то проваливай к черту. Это знали все, поэтому многие приезжали сюда, отработывали один сезон, иногда и половину, и сбегали сломя голову. Работа официанта одна из самых омерзительных работ нашего времени. Но несмотря на все унижение, а в курортных городках это именно унижение, ибо приезжие чувствуют себя властелинами этого мира, размахивая купюрами, швыряя грязной посудой, выстреливая колючими матами в изнемогающих и без того униженных людей, они все равно просыпаются и спешат на работу. У всех ребят собственная история, личные причины, семейные обстоятельства, почему они все это терпят и улыбаются по вечерам в надежде получить на сотку больше. Арину здесь держала

оплата учебы, помощь безработной матери с младшей трехлетней сестрой, да и откладывать деньги надо, ведь зима не за горами, а в дождливые зимние дни работы нет. Мы все к чему-то или кому-то привязаны, а тот, кто кричит о свободе, является самым настоящим эгоистом или лжецом.

– Да, наконец-то выбила. Я в том месяце вообще ни одного выходного не брала, так они и сейчас не хотели мне давать. – Она перевела взгляд с тарелки, где оставались остатки салата, на меня. Я только сейчас заметил, как много косметики на молодом лице. Щеки, ресницы, брови, губы были покрыты тонким слоем иллюзии. Каштановые локоны прилегли на ее смуглые плечи. Платье и каблуки придавали ей вид настоящей отдыхающей, приехавшей из хмурой столицы или любого крупного города. Сегодня ей нужно позабыться, расслабиться, стать такой, как все приезжие, познать настоящий отдых.

– Вы собираетесь смотреть на бутылку? Или все-таки начнете пить, как вы умеете, – сказал Арчи, проглотив половину еды и четверть молочного коктейля. Он не пил уже три года. Причиной тому является здоровье, которое его в последнее время, как он говорит, подводит. Я бы не смог бросить пить. Для меня в этом нет никакого смысла. Как и нет смысла в том, чтобы пить ежедневно. Везде должен существовать баланс, грань понимания того, зачем ты это делаешь. Многие сетуют на серьезный вред здоровью, умственному развитию, раннюю смерть. На планете в сутки умирает сто пятьдесят тысяч человек, эта цифра приблизительна, но все же, если брать ее за основу, то процент смерти от алкоголя не появится и в первой тройке лидеров. Я скорее умру на пассажирском сиденье такси, преспокойно разговаривая по телефону, нежели под столом, рядом с пустой бутылкой. Никогда не понимал алкашей с протянутой рукой и пропитой гордостью. Алкоголь не является целью, как таковой, не является причиной чего-либо. Люди сами придают ему некий смысл, находят в нем то, чего, по их мнению, им так не хватает.

– Пора бы уже и вторую заказать, – ответил я, взглянув на остатки.

Через двадцать минут бутылка подошла к концу. Мы заказали еще двести грамм коньяка, пол-литра сока и мороженого.

Куранты пробили полночь. Новый день начинает набирать обороты. Уже сегодня я встречу с Лизой. Мы не виделись неделю, неделю моего захудалого отпуска. Мы были здесь полгода назад. Февраль открывал небесный кран, умывая пыльную набережную после еще одного тяжелого сезона. Улицы стояли пустые, море одиноко играло с песком на берегу, как обиженный ребенок, строивший любимые фигуры из податливого песка в квадратной песочнице. Мы молча бродили по шумному берегу и, кажется, понимали не только друг друга, а понимали весь мир, хоть он и существовал только лишь в этом месте, в этот час. Невозможно представить, что где-то там, за волнами, есть кто-то еще, где-то там нет песка, обточенных камней, парящих чаек и множества уток.

Неужели есть люди, не влюбленные в синеву морских глубин, не видевшие растекающейся луны вдоль самого побережья, крылатых волн, мелких рыб под бунами, крабов под волосатыми камнями, пришвартовывающихся кораблей? Неужели можно жить с мыслью, что никогда не выпивал вместе с морем, не купался пьяный в одежде, не смеялся под водой, не пел на прохладном вечернем песке? Неужели все-таки есть?

Февраль оказался дождливым месяцем, но спокойным. Мы кормили птиц под слабым дождем. Улыбались, жуя корку хлеба, рвали батон на две части, выгребали весь мякиш и делили его с прожорливыми чайками или трусливыми утками. Этого хватало, чтобы чувствовать себя счастливыми. Есть мы, море, песок, чайки, хлеб и больше ничего. В феврале она полюбила Крым, а я полюбил ее.

Мы расплатились и вышли. Арчи поймал лихача на трехколесном велосипеде, тот за сто рублей усадил нас на пятнадцать минут в тесную коляску, сделал два круга вдоль набережной со скоростью уставшего ишака, а после выбросил у ближайшего магазина. Мы купили бутылку «Инкерман», спустились к морю, поселились на уже остывших, потускневших камнях среди

разбросанных лежаков. Арчи достал ключи, протолкнул пробку внутрь бутылки, и мы начали пить. Волны гудели неподалеку от нас, несколько гордых чаек расхаживали по берегу. Впереди черное море, манящее и пугающее, по обе стороны отдыхающие, они пришли полюбоваться красотой природы и распить алкоголь в окружении таких же, как они. Парочки, семьи, компании – все прикованы к театру воды и ветра. Это делает нас ближе. Мы все одни, но, безусловно, остаемся вместе.

Мы зашли в первый попавшийся бар. Оценили обстановку, контингент, движение, музыку и вышли, в надежде найти что-то более стоящее. Спустя двадцать минут выбор был сделан. Я стоял за стойкой в ожидании джина и банки спрайта. Заведение пестрило американской атрибутикой. Фото звездных актеров, певцов, спортсменов смотрели на меня со всех сторон. Бейсбольные биты, шлемы, танцпол в виде баскетбольной площадки, а на втором этаже американский автомобиль 70-х годов и столики с диванами в форме кузовов заокеанских машин. Мне принесли заказ, я вскрыл банку, подставил рокс, смешал один к двум. Арчи с Ариной вытанцовывали под иностранную музыку, а я наслаждался алкоголем, сидя на круглом кожаном стуле.

Мое внимание привлек один столик у стены. Паренек лет двадцати, может, чуть старше, в джинсовой рубашке с коротким рукавом, забитыми руками, русыми волосами и стеклянными глазами разливал водку в пустые рюмки, протягивая одну за другой невозмутимым товарищам. Было видно, что он находится в другой весовой категории по сравнению с приятелями. «С днем рождения!» – его голос победил музыку, добежал до соседних столиков, где, видимо, проходил тот самый день рождения, и вернулся обратно, с двумя улыбками незнакомых девушек. Залп – рюмки пустые. С ним делили столик еще две девушки, блондинка с брюнеткой, и два парня, один бледный худой с рыжими волосами, второй загорелый блондин. Пока его товарищи вели оживленный диалог, он заряжал оружие.

К ним подошла блондинка, сидевшая за соседним столиком. Ее каблуки говорили о неустойчивости тела, алкоголь пагубно влияет на координацию движений. Рюмки уже в руках, секунда – и пустые гильзы попадали на стол. Соседка что-то произнесла, парни начали производить обыск собственных карманов. Блондину, в зеленой принтовой футболке, с круглыми голубыми глазами, повезло больше, он предоставил даме зажигалку. Она прикурила, сделала одну затяжку, затем схватила печального героя за рубашку, прильнула к его губам, завоевав территорию без единой потери. Зажигалка все так же находилась в руках блондина, он стоял опешив, даже не понимая, что находится почти вплотную к ним. Два пьяных тела бессмысленно наслаждались друг другом, не замечая пронзающие взгляды, а их с каждой секундой становилось все больше. Люди чаще всего наблюдатели, а не герои, и это всех устраивает. Я допил джин со спрайтом, расплатился, затем отправился на баскетбольную площадку, посмотреть, на что еще способно мое тело.

Мне хватает около получаса, после надо делать небольшой перерыв. Духота и запах потных безымянных тел начинает душить, встает комом в горле. Я вышел из бара, оставив друзей в этой консервной банке. Соленый запах ветра притягивал к морю. Почему бы и нет? Спустился по бетонным ступенькам, разулся, чувствуя легкое щекотание под ложечкой. Ноги погрузились в острые песчинки. Я достал телефон и набрал Лизе.

– Эй, привет. Я тебя разбудил?

– Привет. Да, мы уже легли спать, – мягкий сонный голос с хрипотцой доносился из телефона.

– Прости, мне просто надо было тебя услышать. – Волны набегали, покоряя новые территории. Я почувствовал, как джинсовая ткань прилипает к коже. Еще одна волна, я топчусь на месте, собирая пену вокруг себя.

– Ничего страшного. Сколько ты там выпил? Ты не забыл, что завтра у тебя тяжелая дорога? – Она сейчас лежит в кровати под легким одеялом, на мягкой подушке в моей серой футболке и разговаривает со мной.

– Еще не так много, как хотелось бы. Скоро мы уже двинемся домой. А завтра, точнее уже сегодня в семь утра, я буду радоваться приближению нашей встречи. Как долетела? – я стоял уже по колено в воде.

– Долетела хорошо. Меня встретили папа с мамой. Они сразу же начали расспрашивать: «А где Максим? Когда он придет? Как он будет добираться?» В общем, мы все ждем тебя, приезжай к нам быстрее.

– Я постараюсь. Надо было сегодня выезжать.

– Да все нормально, тебе надо было побыть дома. Расскажи, как прошла неделя твоего отпуска?

Мы говорили, пока у меня не закончились деньги на телефоне. Вернувшись в бар, отправил ей сообщение с телефона Арчи. Заказал еще джина со спрайтом и продолжил этот хмельной вечер на кожаном стуле.

За столиком остались сидеть три героя: блондинка с брюнеткой и рыжий парень. Блондинка всем телом прикинула к рыжему парню. Он выпятил грудь, балансируя ее голову на левом плече, а правой рукой заставлял танцевать стакан на деревянной площадке. Брюнетка, в изумрудном приталенном платье ниже колен, уже начинала засыпать. Ее волосы разбежались по груди и плечам, она перестала контролировать их. Отпитый стакан, скорее всего, это был «Лонг-Айленд», покрылся гусиной кожей, отдавая весь холод пространству вокруг себя. Пустая бутылка водки, пять рюмок и растаявший лед, плавающий в железной посудине. Они, как пробитая шлюпка в открытом море при полном штиле, сидели и погружались все глубже и глубже ко дну.

Арина подошла с коктейлем в руке, протянула его мне.

– Будешь? – она протянула мне бокал. – Угощайся, это за счет заведения, – ровные зубы показали из-под алых губ.

– Кто успел? – Я сделал несколько больших глотков, неплохая смесь, украшенная долькой лайма.

– Да мужик какой-то. Рассказал мне о своих приключениях, заказал коктейль, чтобы не так скучно было его слушать. А это, поверь мне, было очень скучно.

– Но коктейль неплохой.

– Нет. Мне хватит, – она отдала мне стакан, налюбовалась собой с головы до ног, приценилась, ухмыльнулась и повилыла к сцене. В левой руке у меня находился джин, в правой – коктейль с долькой лайма. Задница прибита к стулу, уши привыкли к музыке, а глаза к духоте. Да, черт возьми, все хорошо.

Шлюпка покачнулась, блондинка выдала карт-бланш из алкоголя, запивки и кусков еды прямо на стол. Брюнетка проснулась, подорвалась с места, выпатив глаза, не веря в происходящее. Главное действие переместилось под стол.

Мелкие куски еды плавали по столу, часть белокурых волос оказалась на столе, в то время как искореженное лицо спряталось под ним. Рвотные позывы не прекращались, ее спина напрягалась, лицо стало пурпурным. Раз, еще раз, вот он, последний позыв. Огромная слюна повисла над кафелем. Она сплюнула, подняла голову, мокрые волосы с крошками блевотины упали ей на бордовую блузку. Рыжий парень подхватил раненую даму и как истинный кавалер повел ее в дамскую комнату. Его рука уцепилась за талию спутницы, а рот трещал над ухом, он походил на мерзкого рыжего овода. Пока я наблюдал за этим спектаклем, у меня закончился коктейль.

Арчи с Ариной танцевали под диджейским пультом. Люди теснили друг друга, прижимаясь спинами к незнакомцам, но никого это не смущало. Я пробрался к товарищам, при-

танцующая на ходу. Арчи схватил меня за плечи, потряс немного, словно я был сломанным радиоприемником. Он настроил нужную волну, пора было вливаться в танец. С обеих сторон диджейского пульта находились небольшие танцплощадки, обычно там выступали танцовщицы, их можно вычислить по дешевым вульгарным нарядам. Сегодня там кружили все, кому не лень. В какой-то момент меня туда понесло.

– Ты куда? – Арчи закричал мне в правое ухо. Неприятное чувство. Я указал ему на небольшую сцену. Он еще что-то кричал мне вслед, но я уже не слышал его. Короткие шорты, топик и длинные черные волосы издевались над этой сценой. Столько движений, столько энергии, а все впустую. Вот она сделала небольшой перерыв.

– Девушка, девушка! – Косметическая маска вопросительно посмотрела на меня. – Вы здесь работаете? – вопрос, возникший в голове три секунды назад.

– Нет, а что? – она ехидно улыбнулась и обернулась в мою сторону. Музыка зажгла ее, взгляд еще держался на мне, правда, ноги уже находились в ритме танца.

– Черт, да я просто потанцевать хотел.

– Я могу подвинуться, – она сделала небольшой шаг в сторону.

– Нет, спасибо. – Лучше бы эта дамочка работала здесь.

Через пятнадцать минут мы вышли из бара, уставшие и голодные отправились домой.

Спертый воздух ударил по нашим соленым от моря лицам. В съемных квартирах редко открывали окна на проветривание. Рина пошла в душ, а я открыл бутылку вина, достал гра-ненный стакан, сполоснул, затем налил белого сухого вина и сделал добрый глоток, усевшись удобней на деревянном стуле.

Арчи включил газовую плиту, проснулось жужжащее пламя, железный чайник с рисунками алого кизила на стенках начал кипятить воду. Кружка, заварка, две ложки сахара с горкой, его жилистые руки работают словно часы.

Кухня вмещала в себя хрипящий холодильник, деревянные разваливающиеся полки над газовой плитой, круглый стол с тремя стульями, пожелтевшую микроволновую печь и разную мелкую дребедень на стенах вроде сувенирных масок, никому не нужных картин, календарей и другого барахла.

– Ты уже готов снова от нас свалить? – Арчи мешал сахар металлической ложкой, каждый новый круг разбивал стенки керамической кружки. Это действовало на нервы, я отпил немного вина из стакана.

– Да, потрачу еще один год и снова приеду. – Я был готов выехать прямо сейчас, но катер отправлялся через пять часов.

– А я потрачу его здесь.

– Чем планируешь заняться?

– Не знаю. Пора бы найти работу. Я уже три месяца безработный. – В двадцать три года Арчи успел сменить не одну, не две и даже не три работы. Он нигде не задерживался больше, чем на полгода.

– И куда думаешь?

– Не знаю. Но точно не барменом или официантом. Устал я от этой работы. «Принеси и подай» – меня уже разрывает от этого всего. Ты же знаешь, не могу я прислуживать, не могу прогибаться под начальство. – Его глаза еще горели пламенем свободы, в сердце еще стучала гордость, а амбиции выпячивали грудь. Все это хорошо, но только не было внутри него цели. Амбиции – это прекрасно, но если за ними не стоит ничего, тогда они начинают разъедать тебя. Они не дадут тебе смириться с этим миром, но и покорить его не помогут.

– Может, все-таки стоит засунуть это гребаное «не могу» в задницу и начинать работать? Дружище, никто не забирает тебя в рабство, никто не лезет тебе в голову. Все, что ты должен сделать, – это отработать чертову смену и продолжать жить. Что поделает? Такова эта жизнь, у нас существует нужда, и никто, кроме нас, ее не прокормит. Конечно, я иногда думаю послать

все куда подальше, но я не могу этого сделать. Мой счет в банке не имеет огромное количество нулей.

– Очень жаль, что счета в банке не позволяют нам забить на все, – он улыbnулся, отпил чай, открыл шоколадный батончик и начал пережевывать его, при этом не забывая тихонько чавкать.

– Да, жаль. Хотя порой мне кажется, если бы я не нуждался в деньгах, то перестал бы мыслить. Перестал бы вообще что-либо делать. Достаток слепит и разрушает разум. Если все хорошо, зачем тогда о чем-то думать? – Арина вышла из ванной комнаты, окинув нас брезгливым взглядом.

– Вы спать не собираетесь? – ее голос звучал грубо, но справедливо, ибо время не оставалось.

– Уже идем. – Сказав это, я достал пачку сигарет, открыл балкон, прикурил, прильнув к отбеленной стенке дома. Арчи не вышел ко мне, он отправился сразу в кровать.

Сигарета тлела, а голова оставалась пустой. Пальцы стучали по деревянной ручке на балконе. Раз, два, три... Раз, два, три... Я совсем потерялся. Осталось ли это место моим домом? У меня здесь никого нет, кроме нескольких друзей и квартиры, куда я не могу даже попасть. Каждый раз, когда я проезжаю мимо родных улиц, воспоминания смываются. Остается цемент, земля, деревья, люди и пустота. Вся магия дворов уходит, ты снова и снова приезжаешь в чужие места. Они тебе знакомы, только уже совсем иначе. Ты начинаешь копаться в себе, думаешь, что найдешь эту нить, все образуется, но нет. Люди вокруг встречались тебе десятки раз в детстве, ты чувствовал себя частью коллектива, частью организма. А сейчас кто ты? Кто я? Чужак без истинной цели, без настоящего дома, без ясности в голове.

Алкоголь начал отпускать, все тело обмякло, будто бы я попал под ливень. Оставалось спать несколько часов или того меньше. Я попытался забросить окурочок в урну, стоящую у подъезда, – ничего не вышло. Зашел в кухню, допил вино в стакане, посмотрел на мрачные, тусклые обои по всей квартире, и на меня нахлынула тоска вперемешку с отвращением. Какое убогое место, эта старая кляча берет с нас в два раза больше. Да ну ее к черту. Осталось совсем немного до катера, а там уже и Лизу увижу. Быстрее бы вернуться в порт, ведь корабль давно уже сбился с пути.

Сумка повисла на плече, на улице стояла приятная свежесть, дворы пустовали, а набережная разродилась людьми в оранжевых робах. Они очищают город после вчерашней ночи, чтобы отдыхающие не чувствовали себя свиньями.

Ночью набережная поддается насилию со стороны приезжих. Это можно заметить с первыми лучами солнца: разбитые бутылки, салфетки, пакеты, еда, пачки от сигарет, бычки, презервативы и куча остального дерьма. Да, когда основная масса отдыхающих проснется – люди в оранжевой робе уже сделают свое дело. Никто ничего не заметит. Слово так и надо. И это не изменится до тех пор, пока «приезжими» не станут люди в оранжевой робе.

Я постучал в окошко. Ответа не последовало. Присмотрелся – в комнатке никого нет. Часы выдавали без пятнадцати семь. Может быть, касса работает с семи. Достал пачку сигарет из заднего кармана. Выглядела она не лучше меня, но главное – это то, что внутри. А там четыре помятых сигареты, фильтры которых забиты табаком. Не густо, учитывая то, что не прошло и суток, как она была куплена. Одну все-таки можно выкурить. Несколько птиц вальяжно передвигались по асфальту, засыпанному песком, в поисках еды. Кто-то отдался утренней пробежке вдоль парка, где лет пятнадцать назад я скакал на горках, ел мороженое, запивая его ледяной газировкой, под упреки матери, будто бы ангина непременно застанет именно меня.

Солнце гладило спящее море, как мать гладит родного сына по утрам, одновременно пытаюсь разбудить его и насладиться чистым, безмятежным лицом. Крохотные волны качались из стороны в сторону, напоминая качели у одинокого двора. Запах утреннего моря не давал

уснуть. Соленый, еще немного прохладный ветер щекотал кожу, казалось, впереди мир, настоящий и искренний, такой, как нам всем обещают.

Пять минут восьмого, организовалась небольшая очередь возле кассы. Я пристроился позади мамыши с двумя чемоданами и неугомонной маленькой дочкой лет пяти-шести. Эта белобрысая загорелая девочка все кружила и кружила вокруг матери, как земля кружится вокруг солнца. Через наушники пробивался ее детский писклявый голос, словно через очки пробиваются утренние колючие лучи. Мне не спрятаться ни от того, ни от другого.

Я купил билет и отправился к воротам, где всех ожидала команда местных пограничников. Открыл сумку, прошел металлоискатель, показал паспорт с билетом – пропустили. Всего лишь формальность. Все отработывают хлеб с маслом, никакой ответственности. На площадке стояли старые катера, лодки, яхты. Их имена покрылись ржавчиной, поломанные лопасти моторов повисли, подобно засохшим веткам старого дерева. Стекла побиты, а салона давно уже нет. Отголоски прошлого, ничего больше.

Капитан пригласил всех на корабль, одна обезумевшая женщина дала резкий старт, капитан вместе с командой ринулся останавливать ее: «Женщина, подожди! Первым на корабль поднимается мужчина! Женщина, женщина!» Наконец-то ее обуздали, и мы спокойно смогли подняться на катер. Через двадцать минут врубили кино, предложили пройти в бар, но я оставил все это, в попытках уйти в сон.

Проснулся с ужасной головной болью, что-то внутри моего черепа сгнило, и язва разносилась с молниеносной скоростью. Вдобавок к горлу подкатывали рвотные позывы. Старые советские короткометражки начинали сводить с ума. Какого черта? Пойду попробую блевануть. Когда еще представится возможность опорожнить желудок с помощью ротового отверстия прямо на морском транспорте? Катер качало из стороны в сторону, половина команды отсиживалась у бара, их лица не выдавали и толики радости, скука пробивалась отовсюду. Я кивнул головой в знак приветствия, добрался до туалета, стоявшего в самом конце катера, в хвосте качка еще сильнее. Нет, никакой рвоты, мне перехотелось, холодная вода сделала свое дело. Вернувшись на законное место (таким являлось любое свободное место), я залип на экран телевизора, пытаюсь отвлечься от тяжелых ударов похмелья.

Несмотря на то, что экран выдавал разные короткометражки, смотрелись они все одинаково. Я повернулся к окну, кресла хоть и были новыми, удобству это никак не способствовало. Серебряное море играло с солнечными лучами, создавая неповторимые блики. Где-то там, возможно, берег, но сейчас его нет. Неподалеку от катера я заметил дельфинов, преследующих нас. Они как неугомонные дети, как та девочка у кассы, которой нужно внимание взрослых, преследовали нас. Выпрыгивая из воды, дельфины доставляли окружающим людям удовольствие. Все достали камеры, шелк-шелк, никто не наслаждается, всем только бы сделать несколько снимков, чтобы потом навсегда забыть их в памяти телефонов.

После катера с его легкой тряской и спасательным кондиционером твердая поверхность горячего асфальта была непривычной. Жара не давала о себе забывать. Я впервые попал в Анапу, абсолютно не зная города, я просто брел вперед. Поднялся к набережной, пошел вдоль нее, пропуская мимо себя лавки с сувенирами, сладкую вату, пустые захудалые кафе, аттракционы. Все это напоминало любой другой курортный городок нашей страны. Надо бы найти автовокзал, стоит держать путь в центр города, подальше от набережной с беззаботными отдыхающими.

Спустя двадцать минут скитаний я нашел указатель, который привел меня на автовокзал городских маршрутов. Там мне указал путь один из водителей автобуса, он высоко держал свою запеченную обглоданную руку, показывая маршрут. Свет бил по глазам, я плохо понимал его, но все-таки поблагодарил. Пожал сухую рабочую кисть, посмотрев при этом в его черные глаза. Короткие курчавые волосы, цвет которых изначально являлся кофейным, успел давно заразиться чумой седины, глубокие морщины под глазами, густые брови и пышные усы – про-

щай, незнакомец. Коробки из домов захватили город. Стена, за ней еще одна, ничего не менялось. Черная майка горела на влажном теле. Жажда начинала изводить меня.

Автовокзал напоминал собачью будку: семь касс и толпы людей, повсюду очереди, даже за минеральной водой очередь. Маленькое окошко с потрепанными деревянными рамками не спешило отпускать людей. Женщина, сидевшая по ту сторону окна, не прикладывала никаких усилий, чтобы хоть как-то разобраться с очередью. У нее рабочий график, а на остальное плевать.

– Здравствуйте, а до Сочи автобусы ходят? – я старался как можно четче произнести фразу.

– Что? – ее недовольный вид не воодушевлял. Я повторил фразу.

– Завтра, в девять пятнадцать, – она харкнула в меня этими словами, разбив надежды убраться из проклятого города.

– Ну, а может, с пересадками? Или проходные? – я цеплялся за ниточки.

– Не знаю, можете до Туапсе доехать или до Новороссийска. Возможно, там будет вариант, – она говорила с безразличным видом, пожевывая желтое яблоко сорта «Голден». Когда что-то для одного человека является крайне важным, для другого может не стоить ничего. Так было всегда, так и всегда будет.

– До Новороссийска. – Я положил билет в кошелек, отошел к камере хранения, которая закрылась на обед, сел на сумку и набрал Лизе.

Она расстроилась новостям, ведь часы отпуска проходят, а мы так и не встретились. Поезда, самолеты, автобусы – всё против меня. Оставалось сдать и ждать посадки на автобус до Новороссийска. Три часа, три изматывающих часа. Я опустил голову на колени, макушка пеклась от небесной конфорки. Гул людей, как порывы ветра, – существовали, но не касались меня. Я закурил сигарету, местные водители суетились в толпе людей, выкрикивая: «Тебе куда ехать? А? Ну куда ты едешь? Билет уже взял?» Вот только никто из них не ехал в Сочи.

Открылась дверь камеры хранения, люди начали врываться толпой, ломая хромую дверь, очереди уже не существовало, пыль поднималась к их лицам, обезумевшие глаза и вечный спор, кто все-таки первый. Единственные, кто не суетился на этой дискотеке, – семья азиатской внешности. Они спокойно стояли, пропуская одного за другим. Темноволосый худощавый отец, видимо, смирился с происходящим, стараясь отвести взгляд от дверей. Рядом с ним стояла женщина, полагаю, это была измученная жена – с густыми медными волосами, загорелой кожей, уставшей улыбкой и покрасневшими глазами. Она опиралась на забитый красный чемодан, а он стоял рядом, придерживая жилистой левой рукой малолетнего сына. Никто и не думал их пропускать. Если ты не даешь людям четко понять, чего ты хочешь, то ты никогда этого не получишь. Градусы на улице повышались, если бы воздух стал алкоголем, то мы бы уже давно спились. Я встал, закинув на плечо сумку.

– Вы в камеру хранения? – Азиат утвердительно качнул головой.

– Так а чего не заходите?

– Очередь, – он посмотрел на меня таким взглядом, будто бы я чего-то не понимал.

– Ясно. Тогда я за вами. – Вышло несколько людей, и я начал вваливаться в это злополучное место, зазывая азиатов. Они верили в некие мифические правила, отмахивались от меня мелкими ручонками, доказывая мою неправоту, но в итоге все-таки сдались.

Я оставил сумку, радуясь свободе. Захотелось снова закурить. В измятой пачке оставалось две штуки, надо бы купить новую. Мне всегда доставляло удовольствие курить последние сигареты в расквашенной пачке и курить первую сигарету в новенькой запечатанной упаковке. Снимать пленку, вырывать фольгу, выбирать сигарету, а затем вытягивать ее, чувствуя братское сопротивление коллег по цеху.

Магазин находился внутри автовокзала. Я прошел никому не нужные рамки, пропищал, да и плевать. Сделано ведь для галочки. После того, как я заказал бутылку лимонада и пачку

сигарет, показав при этом паспорт, – продавщица отпустила меня. Забавная вещь, когда ты сначала заказываешь сигареты или алкоголь, кассиры редко спрашивают паспорт, а если изначально проговариваешь мелкую дребедень, не спеша подходя к никотину либо алкоголю, то человек настораживается, взгляд и тон меняются, вот тут непременно нужен паспорт.

Я читал расписание на стене: Анапа – Туапсе, Новороссийск, Краснодар, Ялта, Симферополь, Геленджик, Кисловодск, Порт Кавказ, Темрюк, Сухум, Ставрополь. «О, Сухум, моя любимая Абхазия», – промелькнуло в голове. Автобус отходит в половину шестого. Он обязательно должен пройти через Сочи. Так и вышло, отстояв адскую очередь, уже в другую кассу, я взял билет до Сочи на автобус, шедший в Сухум. На вопрос: «Почему до этого мне говорили, что автобусов нет?» кассирша лишь пожала плечами. Да и хрен с ними, билет на руках.

Я зашел перекусить в одну из сотен однообразных кафешек. Картошка, мясо, салат и стакан светлого пива – этим я хотел забить желудок. В полупустом зале пыль оседала повсюду. Кафе в ясный день напоминало квартиру какой-нибудь покойной бабули. Вроде бы когда-то здесь и происходило движение, существовала жизнь, но не в этот день. Две светленькие миниатюрные официантки лениво разносили заказы, их сонные уставшие лица добавляли нотку грусти в это место. Пиво пошло слишком хорошо, несколько глотков забрали добрую половину озера. Проблема оказалась в пище: картошка с мясом – кислая дрянь, салат – пресный. Не став рисковать, закинув в себя только салат с остатками пива, я свалил из этого места.

Водитель маршрутки несколько раз повторил, что бесплатный проезд остался в Советском Союзе, и если ты проживаешь не в том далеком времени, то будь любезен, заплати. Мы проезжали рынки, мелкие улицы со скромными домами, два небольших торговых центра, затем пошли санатории с огромными территориями, они выстраивались в ряд, красуясь государственной поддержкой, а старики выпрыгивали и запрыгивали в салон. Их дряблая кожа успела загореть на солнце, теперь она выглядела как овсяное печенье. Они радовались отдыху, вспоминали забытое время, жаловались на боли в спине и ногах, как ни странно, но они жили в отличие от многих из нас.

Водитель объявил конечную остановку. Выйдя посреди трех-четырёхэтажных отелей, я побрел вперед. Зашел в минимаркет, последнее достроенное здание на этой улице, дальше недостроенные дома, голые земли, дорога в никуда. Два шоколадных батончика, бутылка негазированной минералки, несколько минут в прохладе – это место можно смело назвать землей обетованной. Я перешел дорогу и поплелся назад. Рюкзак натирал плечи, футболка прилипла к спине. Мысль о том, чтобы проникнуть за забор одного из отелей, нырнуть в бассейн, радуясь хлорированной воде, не покидала меня до самого пляжа.

Чтобы попасть на самый длинный песочный пляж в Европе, надо преодолеть преграды в виде аниматоров, лавок с сувенирами, дешевых восковых фигур, винных бочек, где за сотку тебе нальют литр спирта, разбавленного сиропом, дешевых рестораничков, небольшого рынка и кучи мелких забав, привлекающих полуголых туристов. Небольшая деревянная брусчатка привела меня к краю земли, дальше только море. Я разулся, коснулся горячего песка грубыми ступнями, пальцы проваливались в песочные горы, ускорив шаг, я добрался до воды, мне открылся поганый вид прекрасного моря. Люди, как скот, были загнаны в воду, ни одного свободного метра, полуголые тела насиловали помутневшую воду. Уставшие волны накатывали на берег, они словно хотели избавиться от прилипших к ним насекомых. Люди расставили лежаки вдоль всего пляжа, закинули на них свои тушки и жарились, словно стейки на гриле, под летним солнцем. Кто-то завлекал народ морскими прогулками, но те отдавались в руки лени и алкоголя. Разливное пиво и вино из сезона в сезон покупалось ведрами. Пить, загорать и ничего не делать – это отдых нашего времени.

Я вернулся к забитому рыночку, сел на лавку у скверного фонтана, люди бросали монеты в это мраморное ведро, загадывая желания, а я соскребал песок с левой ноги. Молодые парни

завлекали мамаш к своим прилавкам, чтобы те выложили немного денег за морские угощения, они флиртовали с их кошельками, а те краснели от горячих слов молодых самцов.

– Дамы и господа! Не проходите мимо! Невероятный 7D-кинотеатр ждет именно вас. Ощутите на себе магию кино. Только сегодня! Только сейчас... – смуглый высокий парень в авиаторах все говорил и говорил, завлекая отдыхающих на двадцатиминутное разочарование.

– Да закроешь ты когда-нибудь рот? Или нет? Это ведь невыносимо! – бабуля, сидевшая напротив кинотеатра, за прилавком с чурчелой и прочей ерундой, уже багровела от злости. – Ты уже достал, я сколько раз тебя просила закрыть свою пэльку, а ты все никак не перестанешь. – Полагаю, он прилично достал бедную пожилую женщину, что она простирает руки к небу, взывая к молнии и грому. Парень, видимо, ожидал этого выпада и не растерялся.

– Женщина, вы чего такая нервная? Может быть, вам стоит сходить на увлекательный сеанс в 7D-кинотеатр? Там вы сможете испытать новые чувства и выплеснуть все, что у вас накопилось. – Он улыбнулся и добавил: – Для вас мы сделаем скидку. – Когда я возвращался на остановку, их баталии еще продолжались.

Купив шоколадное мороженое, я радовался той мысли, что могу себе позволить такую мелочь. С детства сладости ассоциируются у меня с праздником. Не то чтобы в моем детстве не хватало сладостей, просто, когда они появлялись, то я уплетал их за считанные минуты. У нас дома не стояла ваза с конфетами, в холодильнике не валялись глазированные сырки, йогурты и бананы. Я всегда представлял, как вырасту, заработаю деньги и скуплю все сладости в магазине. Время прошло, деньги появились, но они уходили на пиво, вино, виски и сигареты. Хотя иногда так хочется чего-нибудь сладкого.

В маршрутке стоял кондиционер, поэтому поездка до автовокзала оказалась великолепной. Я давно уже не бывал в неизвестном городе один. Последние два года, куда бы мне ни захотелось податься, со мной всегда находилась Лиза. Мы бродили по загадочным улицам, забегали в первые попавшиеся кафе, посещали скучные музеи, блуждали дворами, замерзали, а потом прыгали в любую маршрутку, чтобы только согреться. Это был мой первый отпуск без нее, надеюсь, и последний. Что-то связало нас, произошел симбиоз, и теперь отдых без нее стал невозможен. Многие вещи теперь стали невозможны без этого человека, живущего внутри меня. Это нечто невообразимое, когда вы понимаете друг друга без пустых слов. Когда ты видишь в реке уток и улыбаешься, радуясь их приходу, ведь они стали родными только потому, что их любит родной тебе человек. Над морем нависли чайки, и в голове играет знакомый голос, такой эмоциональный, со срывами на звонкий и дерзкий смех, чем-то напоминающий смех упрямых мальчишек, уверенных в себе. Единое целое – это когда ты открываешь рюкзак и отдаешь все тайны другому человеку, взамен он отдает тебе свои, и тогда у вас ничего не остается, что вы могли бы назвать своим, у вас все общее.

Автобус опоздал на сорок минут. Все это время страх держал меня за горло. Никакой информацией кассиры не располагали, они не знали, к какой платформе подъедет автобус, когда он будет, будет ли он вообще.

Радуясь его появлению, закинув сумку, наслаждаясь придорожным воздухом, я закурил сигарету и встал рядом с этой старенькой, потрепанной банкой. На билете не указано место, водитель сказал, чтобы я запрыгивал на любое свободное, а дальше как пойдет. Последние ряды оставались свободны, это меня устраивало. Моими соседями оказались рабочие мужики, распивающие пиво в двухлитровых бутылках, отрывка вперемешку со смехом не утихала первые два часа, оставалось только смириться.

В Новороссийске мы простояли пятнадцать минут. Группа из пяти человек направилась в платный туалет, пятнадцать рублей оказались у престарелой дамы в руке, проход открылся, вонь поднялась. Придорожные туалеты всегда оставались загаженными, сколько ни плати. Я спустил нужду в общий писсуар, протяженностью в пару метров. Моча стекала ручейком прямо вниз, как дождь с крыш. Купил еще одну пачку сигарет, шаурму и газировку, несколько хоро-

ших укусов, пару глотков ледяной воды, а на десерт хорошая сигаретка, заставившая меня радоваться предстоящему приключению, небольшая радость жизни.

Солнце раскидывало последнее золото на бескрайние степи нашей страны. Ветер давал подзатыльники, подгоняя меня к автобусу. Я уселся на место, и мне ничего не оставалось делать, как смотреть в окно, где мужик прощался со своей семьей.

Редкие русые волосы с проседью качались под хлесткими ударами ветра. Замызганные шорты, майка, тапки с кусочками застывшего цемента, жилистые поджаренные руки, глубокие морщины, прятавшие скромные слезы разлуки, и тоскующая улыбка с полупустой челюстью. Его крепкая женщина цыганской внешности обнимала избитое тело, скрывая любимого от посторонних глаз, рядом стояла такого же крупного телосложения дочь с маленьким ребенком на руках. Еще одна из сотен семей, которая находится в разлуке, чтобы держаться наплаву.

Рабочие места постоянно где-то появляются, вот только никто о них не слышит, всем приходится крутиться в одиночку, надрывать спины, отравлять легкие, спать по три-четыре часа, забыть о социальном пакете, верить только своим рукам и глазам. Никаких грез, цветных снов, оплачиваемого отпуска, подарка на Новый год и дачи за городом. Есть только ты и твоя семья, либо ты остаешься мужчиной до конца, ломая собственную жизнь, либо сбегаешь с позором за плечами – иллюзией свободы. Они зашли в автобус, выбрав места передо мной, шторка окна убрана, горечь слез с тусклой улыбкой в окне и за ним. Двигатель заработал, колеса закрутились. Мужик грязной левой рукой протирал глаза, а правой изо всех сил махал, пока не исчез из виду.

До Джубги дорога выдалась спокойной, мужики посапывали, апельсиновое солнце погружалось в воду, а я непрерывно смотрел в окно. Деревья изумрудным платьем превосходно сели на голую почву. Одиночество природы всегда завораживает глаз. Снова пятнадцатиминутная остановка – в Джубге. Туалет, сигарета, забежал в автобус, оказался не мой. Еще один автобус. Толпа полукругом повисла у входа, я протолкнулся к дверям, прыгнул на сиденье в ожидании коллег по несчастью. Люди завалились, не оставив ни одного свободного места, рядом со мной поселился парень с длиннющими ногами. Мой рюкзак повис на коленках, ноги согнуты, подушки нет, наушников нет – поездка не самая лучшая.

Я набрал Лизе, ее голос успокаивал, как водопад Учан-Су на горе Ай-Петри. Она говорила, что ждет меня. Такой родной и близкий голос играл в трубке. Совсем скоро я буду дома, буду с ней. Она готовила ужин, рассказывая о том, как прошел ее день. Спина начинала ныть, ноги затекать, от духоты мне хотелось сорвать кожу на себе. Голос в телефоне доставал меня из этой духовки, я, как слепой ребенок, полз ему навстречу. Лиза нарезает салат, слушая на громкой связи мои нелепые истории, ее голос превращается в смех, похожий на детские качели, вверх-вниз, вверх-вниз, такой звонкий и приятный.

Свет в салоне выключили, правой рукой вытер пот с лица, рюкзак спустил к ногам, надо попытаться уснуть. Дорога пошла серпантинном, она убаюкивала наше сознание. Кажется, будто все люди в салоне горели одной идеей, как бы уснуть. Пробираясь сквозь туман дрема навстречу безрассудному отдыху, взорвалась бомба. Маленький курчавый ребенок, сидевший у здоровой мамы на руках, разразился воплем. Все вокруг насторожились, ожидая, когда закончится эта вспышка. Прошло полчаса, в полутьме видно негодующие лица пассажиров. Сосед врубил музыку на телефоне. Наушники спасали его от внешнего мира, он закрыл глаза и покинул наш клуб. Прошло еще минут десять, кто-то не выдержал:

– Женщина, дайте ему, наконец, соску. Пусть успокоится, – мужчина явно не скрывал своего гнева и презрения. Он чувствовал себя героем, ведь все терпеливо молчали, а он высказался.

– Молодой человек, пожалуйста, не учите меня. Я уже все перепробовала. – Ее фигура мелькала в темноте, она делала небольшие шаги, укачивая малыша. В ее голосе также присутствовал гнев, правда, еще и смущение. Она не могла справиться с ребенком. Он кричал

и кричал, женщина чувствовала каменные взгляды людей, знала, что окружающие думают в эту минуту, только вот изменить ничего не могла.

После выпада мужика все невольно начали позволять высказывать себе под нос недовольство, это происходило невзначай, мимоходом, самому себе, а слышали все: «Господи, ну сколько можно», «Да когда же это прекратится», «Бедный ребенок, с такой мамашей», «Понарожают, а справиться не могут». Первый час я искренне сочувствовал женщине, несмотря на то, что крики звучали у меня под носом. Трудно прочувствовать человека, держащего пять-семь килограммов живого веса на протяжении часа, а то и больше. Я слышал ее тяжелое дыхание, не видел, но чувствовал, как пот покрывает женское тело, руки начинают сводить, а от духоты кружится голова. Старшая дочь постоянно копалась в бездонной сумке, подавая игрушки, соски, еду, фонарик, она хотела помочь, и помогла, взяв ребенка на некоторое время в здоровые, не совсем крепкие девичьи руки. Возможно, проблема в отсутствии света. Может быть, он боится темноты. Все маленькие дети боятся темноты, особенно в незнакомых им местах. Несколько раз попытался донести эту мысль с места, чувство неловкости останавливало попытки, горло сжималось, звук сухим кашлем застревал на пути к свободе. Да пошло оно все. Я толкнул соседа, он убрал свои лыжные палки, освобождая путь. Надо уладить вопрос со светом.

– Женщина, извините, – она посмотрела на меня злобным взглядом, принимая вызов, – может быть, он боится темноты? – сказав это как можно мягче, я посмотрел ей в глаза, давая понять – я не враг. Как только она это уяснила, весь ее боевой дух опал, как опадают по осени листья под хлыстом могучего ветра. Плечи упали вниз, голова склонилась на левый бок, в глазах переливались слезы, она устала.

– Не знаю, молодой человек, правда, не знаю. – Моя рука коснулась ее плеча, жар, исходящий от тела, насторожил меня. Не знаю зачем, наверное, я хотел помочь, но не знал, как это сделать.

– Я спрошу у водителя, можно ли включить свет. – Впереди голос малыша казался сносным. Небольшой писк, жужжание мухи, не более. Зависть проурчала где-то в области желудка.

– Простите, нельзя ли включить свет в салоне? Там просто ребенок плачет. – Водитель, сидевший за рулем, не обратил на меня внимания, его напарник повернул ко мне огромную морду. Несколько мелких шрамов красовалось на его лице – воспоминания из детства.

– Какой еще свет? Тебе жить надоело? – он оскалился, выставляя напоказ здоровые зубы. Мешки под глазами, морщинистая толстая шея, крупные пальцы на руках с грязью под ногтями. Он душил меня взглядом, трудно не поддаться этому, только выхода не оставалось, я все равно стоял на месте.

– Там ребенок плачет, возможно, он боится темноты. – Кабан встал на ноги, сиденье автоматически захлопнулось, словно капкан. Его лицо багровело, он собирался уже открыть пасть, чтобы сожрать меня на ужин.

– Парень, – вдруг заговорил водитель, – пойми, если мы включим свет, то дороги совсем не будет видно, а гнать по серпантину в слепую – чистое самоубийство. Придется вам смириться. – Боров молча сел.

– Все ясно, я понял. Это ведь был только вопрос. – Ноги понесли меня обратно, за спиной горечь поражения, правда, не так обидно, ведь водитель оказался прав.

– Понял он, все понял, – безумный напарник оставил за собой последнее слово.

Я извинился перед женщиной, она виновато улыбнулась, сказав неловкое «спасибо», это смутило меня. Сел в неудобное кресло, закрыл глаза в надежде вздремнуть. На черном экране летали цветные круги, голова трещала, голос малыша, как электрический разряд, проникал прямо в череп. Боль с каждой секундой становилась все несносней. Я чувствовал, как во мне зарождается ненависть к этому ребенку, к его матери, сестре, автобусу, водителям. Часть меня ненавидела этого монстра из ада, его огромную мамашу, бесполезную сестру, они

не могли справиться с ним, никто не мог справиться с ним. Словно сам сатана давал ему силы, так громко и безостановочно получалась у него эта истерика. Другая часть меня понимала, насколько тяжело этим людям, их вина косвенная, мучения настигли их тело и разум раньше, чем можно подумать. Все это постоянно крутилось в голове, ненависть и смирение боролись за престол в измученной голове. Если бы «Божественную комедию» писали в наше время, то этот автобус непременно бы отхватил себе один из кругов ада.

Мы подъезжали к Лазаревскому, по расписанию через минут сорок наша поездка должна подойти к концу. Задержка в несколько часов произошла из-за пробки в Туапсе. Нам не разрешили даже выйти покурить, сбросили балласт из нескольких человек и в путь. Жестяная банка начала сбрасывать скорость, затем остановилась и прошипела, как вода на раскаленной сковороде, видимо, устали все.

Теплый вечерний воздух бил по лицу, головная боль не проходила, поэтому радости свежему воздуху не было. Женщины пошли в туалет придорожного мотеля, а мужики поплелись в лес, никто не хотел платить пятнадцать рублей. Лиза уже битый час ждала меня, успев нарядиться и выпить бутылку красного полусладкого вина.

– Макс, я могу уснуть. Ты меня простишь? – она чувствовала себя виноватой, но в час ночи виновных нет.

– Да все нормально. Мы приедем часа через полтора-два, какой смысл ждать. – Мне казалось, у меня жар, я весь горел.

– Я постараюсь не уснуть, честно-честно. – Я представил, как она говорит эти слова, с искренним волнением в сердце, легкой грустью в голосе и чуть заметной улыбкой на лице. Это всегда меня забавляло. – Но на всякий случай скину тебе номер такси и адрес. Скинь мне вызов, когда будете в 20 километрах, если не буду спать, то мы встретим тебя у светофора. – Через несколько минут пришло сообщение. Я сохранил номер такси.

В первых рядах оказалось свободное местечко, радуясь такой удаче, я прыгнул в него и устремил взгляд вперед, на дорогу, ведь впереди меня сидел безумный боров. Автобус зарычал, люди запрыгнули в салон, рассыпаясь, кто куда. Женщина подошла ко мне, взглядом дав понять, на чьей территории находится мой зад. Покорно встав, я зашагал в клетку с тиграми. На пути попадались несколько свободных мест, только они предназначены не для меня. Я из последних сил улыбнулся мамаше и в отчаянии упал на сиденье. Мы двинулись с места. «Такси, ну пусть будет такси», – промелькнуло в голове, без разницы, только бы добраться до Сочи.

Передо мной мелькали сны, кажется, я смотрел в окно, видел множество огней, пробежавших за ним, и видел людей, скрывающихся у меня в голове, в поле, море, в пустых домах. Крутой поворот и остановка. Протер лицо сальными руками. Да, черт возьми, я приехал. Закинув рюкзак за плечи, схватил сумку из багажного отсека, ноги понесли тело подальше от этих колес, окон, фар, кузова, мамаша с ребенком и дочерью, водителей, неудобных кресел и духоты.

Лиза стояла у светофора, возле «Макдоналдса». Нас разделяли четыре полосы, красный свет и сорок три секунды. Она улыбалась и кричала мне: «Максим, Максим, ты приехал, ты здесь! Ура, товарищи!» Как хорошо, что в три часа ночи все сидят дома. Морское белоснежное платье в полоску, подчеркивавшее ее фигуру, говорило о любви к волнам и штилю, она навсегда останется ребенком моря. Светлые волосы не касались плеч, виноградной лозой курчавились вокруг круглого загорелого лица. Улыбка все такая же искренняя, как у детей, не познавших горечи обид. Она махала коротенькими ручками, пританцовывая при этом. Вино всегда придавало ей сил. Загорелся зеленый, она побежала мне навстречу, мы встретились на дороге. Я обнял ее изо всех сил, пытаюсь утонуть в этом счастье. Лиза радовалась моему приезду, а я своему спасению. Запах кожи, вкус губ, ее тело и голос – делали меня счастливым.

– Ну, наконец-то ты приехал. – Я посмотрел в ее сияющие глаза и улыбнулся.

– Да, наконец-то. – Мы отправились к машине, где нас уже ждали. Я видел всего один раз Оскара с Ангелиной, поэтому чувствовал себя немного неловко, но, когда мы подошли к автомобилю, все изменилось. Я рассчитывал на рукопожатие и кроткое «Привет», а они обняли меня, будто мы давние друзья, повстречавшиеся спустя долгое время. Так непривычно встречать таких людей во время постоянной замкнутости окружающих.

– Вы всегда так встречаетесь? – Ангелина посмотрела на меня, указав взглядом на дорогу.

– Нет, только когда не видимся больше суток, – громко ответила Лиза.

Я закинул сумку с рюкзаком в багажник, прыгнул в просторный кожаный салон с кондиционером, музыкой и любимой девушкой, чувствуя прилив энергии.

По пути Ангелина задавала уйму вопросов, я попытался ответить на первые два, но она постоянно перебивала меня новыми вопросами или рассказами. Мы переглянулись с Лизой, ухмыльнулись и окунулись в открывающиеся виды за окном.

Эстакада шла вдоль побережья, море переливалось вечерними красками, казалось, до нас доходит шум прибоя, так близко оно находилось. Пальмы украшали город, никогда в жизни мне не доводилось видеть столько пальм. Они пробуждали внутри меня волнение, зеленые острые листья танцевали на ветру – это рай на земле. Неоновые фигурки, расставленные по всему городу, напоминали о прошлогодней олимпиаде. Я обнял крепче Лизу, чувствуя, как в мою голову стучится сон.

– Ждем вас на завтрак, – Ангелина посмотрела на наши уставшие лица. Мы уже стояли у подъезда, сумка ломала плечо, рюкзак издевался над спиной. – Нет, давайте лучше пообедаем вместе. Я знаю одно хорошее местечко, там грузинская кухня, вам понравится, обещаю. – Оскар несколько раз посигналил, выезжая со двора, мы проводили их взглядом.

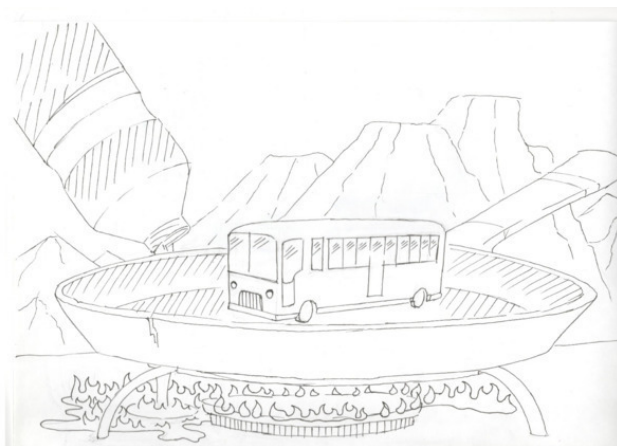
Лиза открыла панорамное окно на кухне, включила кондиционер, нам повезло выпить полбутылки вина, наслаждаясь ночными видами города. Луна постелила дорожку на скачущем море, казалось, до нее можно достать рукой, до моря можно достать рукой, до любви можно достать рукой.

– Завтра ты увидишь, как выглядит море с семнадцатого этажа, увидишь весь город. Отсюда открывается прекрасный вид. Идем, я тебе кое-что покажу. – Мы отправились в комнату, минуя высокие стулья, стеклянный стол, огромный холодильник – все в этой квартире казалось мне непривычным. Я словно вступил на другую ступень, где мне не по себе. Здесь все идеально, ни одна крошка не должна изгадить итальянский кафель.

– Ангелина предлагала спать на диване, они только месяц назад купили эту квартиру, еще не успели купить кровать, у них дома стоял матрас, я забрала его и постелила нам на полу. – Огромный диван занимал почти половину комнаты, в правом верхнем углу лежал стандартный двухместный матрас с двумя подушками, легким одеялом и бутылкой воды на всякий случай.

– Идеально. – Я поцеловал ее и отправился в душ.

Чистая вода сдирала старую кожу, я словно сбрасывал с себя костюм сегодняшнего дня. Катер, Анапа, автобус – все надо смыть очень тщательно. Маленькие песчинки на ногах напоминали грязную морскую воду. К черту это все, к черту этот день. Я вышел из душа с ощущением потери веса в несколько килограммов. Лиза повернулась к стене, встречая сон. Тяжелый денек выдался для нас обоих. Я прижал ее к себе, чувствуя ни с чем не сравнимый запах ее тела. Да, я был счастлив несмотря ни на что. Здесь и сейчас. Она поцеловала мою руку и крепко обняла. Как жаль, ведь счастье настолько мимолетно, что о нем забываешь на следующий день. Я уставился в стенку, стараясь не уснуть, а насладиться моментом, но это оказалось невозможным, сон забрал меня без шанса на сопротивление.

Здесь никого нет

Первые дни октября выдались славные. Солнце еще жарило землю перед ноябрьскими дождями, теплый южный ветер мучил уставшие голые деревья, а редкие мелкие травинки пробивались сквозь поджаренную корочку земли навстречу мягким ярким лучам в надежде продержаться до первых морозов.

Венки на могилах стояли совсем свежие, кресты выкрашены, даты написаны. Неделя, две, месяц – люди умирают регулярно. У смерти нет праздников и выходных. Я стоял напротив глубокой ямы, рядом с ней – два старика с лопатами и две горки земли вперемешку с глиной. На одной из них лежал крест, такой же, как и десятки других.

Два жирных кота ошивались у десятка ног, ожидая лакомый кусок пирога. Вороны на правах хозяев перелетали с крестов на плиты и наоборот. Они спокойно наблюдали за происходящим, не пытаясь вмешаться в похоронную процессию. Для одних смерть – трагедия, а для других она становится обыденным, скучным явлением, не вызывающим и толики внимания. День за днем люди уходят, их лица исчезают, воспоминания смываются, остается только крест и пустота внутри, словно шкаф, от которого нет ключа. Ты знаешь – открыть его не получится, знаешь – там ничего нет, но не можешь выкинуть, потому что когда-то там что-то было.

В гробу лежал человек двадцати семи лет. Кому-то он приходился сыном, кому-то братом, дядей, другом, знакомым, но никому он не приходился любимым парнем, верным супругом, хорошим отцом. Я знал его как своего двоюродного дядю старше меня на шесть лет. Последний раз мы с ним виделись лет пять назад, правда, отчетливо вспомнить ту встречу мне так и не удалось. Даже сейчас, стоя у гроба, все, что я о нем знаю, – это наивная, немного глуповатая улыбка, маленькие прищуренные зеленые глаза, вытянутая вперед шея, казалось, сначала идет голова, а затем тело. Худые руки с постоянной грязью под квадратными ногтями, жирные волосы и рост примерно метр шестьдесят с мелочью. Из рассказов родственников я понял, насколько он был стеснительным, доверчивым и слабым ребенком. Но дети без любви и заботы ломаются. Они берут то, что лежит на поверхности, попадают туда, куда им не следовало бы попадать, теряются и вслепую пытаются выжить.

Витя родился в семье безрассудных пьяниц, это являлось некой нормой в нашем поселке в конце восьмидесятых – начале девяностых. Времена оказались сумасшедшими. Люди создавали жизнь как могли: кто-то просыпался с мешком денег под подушкой и улыбкой на лице, а кому-то приходилось выживать, а если не получалось, то всегда можно было найти пузырь спирта и разбавить его водой.

Никому не было дела до семейных институтов, родительских прав, социальных условий и прочей важной чепухи, существующей в наши дни. Мне всегда казалось это глупостью, ведь даже сейчас далеко не всем есть до этого дело. Дети как рождались в бараках и трущобах среди пустых бутылок, так и рождаются. Растут в нищете среди грязи и мрази, не понимая, кто они есть, кем они будут и что такое эта «нормальная жизнь». Никакой цели, кроме выживания, поедającego их ежедневно. Выживание рождает зависть в юных сердцах детей. Они начинают защищать себя с помощью агрессии, лжи и воровства. Сперва им хочется быть «как все», вот только окружающие не понимают этого и плюются агрессией, затем переход на новую ступень – презрение ко всем и ко всему. Раз жизнь против них, тогда и они будут сражаться. Безразличие семьи и отсутствие воспитания раскрепощает ребенка, у него нет моральных границ, он руководствуется правилами улиц, что не раз приводит к печальным историям.

До пятнадцати лет родители плевали на Витю. Они могли не видеть его сутками, даже не задумываясь о том, где он и что с ним. А их сын мог ночевать на вокзале, в местном парке на лавочке со спинкой да в подъездах. Выпивка всегда помогала в такие ночи.

Алкоголь окружал парня с самого детства, из-за этого рука к бутылке потянулась лет с двенадцати. Паленая водка, самодельный самогон, дешевое вино, холодное пиво – заливалось бутылками. Пьянки и веселье с соседскими пацанами крепко засели внутри этого человека. Градусы греют тело, освобождают разум, забирают боль. Иллюзия в глазах, придающая чувство важности, собственного достоинства. Этот мираж поселялся в худощавом тельце через ротовое отверстие. На деле же выходило много пустых слов, блевотины и перегара.

Когда-то, еще в школьные годы, его сердце покорила девочка, приехавшая к бабушке на лето. Они разделили половину лета на двоих, а затем разбежались и не видели друг друга никогда. Любовь к алкоголю оказалась сильнее всех чувств, копившихся в сундуке потерянного юноши. В шестнадцать он стал пить со своими родителями, вскапывая чужие огороды, покупая водку, а не хлеб. Все чаще уходил в мир «градусов», оставив реальных людей где-то за высоким забором. Да, все трепали языками, говорили о тяжелой судьбе парня, но никто не мог повлиять на него, даже его лучший друг, его брат, проводивший с ним так много времени. Витя являлся главной темой во дворе.

Соседи мусолили семейку алкашей вечерами напролет, старухи слетались на шабаш и зачитывали заклинания. Разговоры всегда оставались разговорами. Люди напоказ хаяли бесовестную мамашу и блуждающего папашу, играли заинтересованность, а на самом деле подавляли голод, удовлетворяли интерес. В душе людей мало место для искреннего сострадания, они хотят знать, но не хотят видеть, хотят наблюдать, только не участвовать.

В этот прекрасный осенний день даже погода не знает о смерти маленького человека. По правую сторону стояли родственники, организовавшие похороны. По левую – его усохшая уставшая мать с трясущимися руками, черным платком на голове, скрывающим седые пряди, да в накинутой на плечи потасканной куртке. Она смотрела все время куда-то вперед. Рядом с ней забулдыги-алкаши, вся местная чернь топтала почву на кладбище, как быки перед корридой. Они оглядывали кресты с памятниками, маялись на солнце в потертых куртках, ожидая отправки автобуса на поминки. Кто-то из них даже напялил солнцезащитные очки, другие шурились с явно недовольным выражением лица.

Батюшка потратил немного своего времени, получил деньги, сделал звонок, и через пять минут за ним приехала черная иномарка. Отец окинул всех взглядом, скрепил губы, выражая соболезнование, и помотал головой. Огромный крест на выпирающем животе говорил о важности и чистоте его мыслей, ухоженная седая борода перебежала с одной груди на другую. Четко отработанная схема. Сегодня он установил рекорд по скорости чтения и отпевания покинувшего мир живых – безобидного холодного тела. Он открыл заднюю дверь и присел в машину, опустил заднее окно, ветер добежал до лица, раскачивая его бороду из стороны в сторону. Машина дала ходу, звук двигателя мелодией прошелся по загробному миру – хороший автомобиль.

Мужики забили крышку гроба, кажется, многие вздохнули с облегчением, ведь солнце лишало людей тоски, грусти и слез. Пока два старика погребали мертвое тело в свежую землю, люди собирались в кучки, как дети в садике во время очередного утренника. Я отказался ехать на машине, завалился в катафалку, где стояли две деревянные самодельные лавочки. Напротив меня сидели две бабули в платках и тулупах. Они что-то жужжали друг другу на ухо, оставляя завесу тайны, покачивали головой, играя глубокими морщинами на лице. Все расселись по местам. Заработал двигатель, глушитель выплюнул куски черного дыма. Мы сбегали с этого места, оставив лишь следы после себя, подобно чернилам, оставляющим кляксы на чистом листе бумаги.

Разбитые дороги мучили костлявый зад. Прочувствовав каждую кочку, я захотел постоять, неловкость победила, моя задница продолжала сидеть, я начал рассматривать расписной линолеум, устеленный на полу гнилого автомобиля. Молочный цвет превратился в кашу, изощренные цветки теряли красоту под грязными ногами людей. Их обувь оставляла крошки

из почвы, сами они не обращали на это никакого внимания. Никого из этих людей я никогда не видел, полагаю, они меня тоже. Все сидели плечом к плечу, ни одного свободного места, запах устоявшегося перегара не давал покоя. Посмотрел на соседа, тот облизал губы, потер грязной рукой щетину, взглянул на меня и улыбнулся, несколько передних зубов отсутствовало, остальные успели пожелтеть, он держал взгляд несколько секунд, затем отвернулся к своим приятелям.

В столовой все было уже готово. Два ряда из четырех-пяти столов, набитых едой и алко-голем. Старики расположились на одном ряду, а молодые и кто считал себя таковым – на другом. Со мной рядом сидел родной дядя, который был на семь лет старше меня. Он постоянно обновлял рюмки, наливая до самых краев. Пить полными рюмками мне никогда не нравилось, приходилось делать два омерзительных глотка, правда, ко всему можно привыкнуть. После третьей я привык.

В зале стояла гробовая тишина, самая подходящая музыка для таких мероприятий. Вилки, ножи, ложки иногда играли на поверхности, создавая мрачную симфонию. Через тяжелые шторы пытался пробиться свет, но ткань, как щит спартанца, спокойно отбивала все атаки. Тусклая душная комната пропитана пылью и запахом отвратительной еды. Этот запах встречается только в столовых и детских садах. От него меня коробило. Помучив кусок белого куриного мяса с двумя салатами и пюре, пальцы рук оставили вилку в покое. Брезгливость могла появляться во мне из-за запахов, людей, сидевших за одним столом, грязной посуды и всеобщей атмосферы. Аппетит не появлялся, а закусывать стоило. Набрав в чистую тарелку фруктовой нарезки, запихивая ее в рот, мы продолжили пить.

Костя, казалось, был единственным человеком, кто по-настоящему знал покойного. Они все детство провели вместе, их родители также все детство детей провели вместе, распивая дешевое пойло в гниющих домах. Костя держался за жизнь, он хотел покорить ее, доказать этому миру, как тот был несправедлив к нему. Закрыв глаза на свою пьющую мамашу (отца он потерял, когда начинал делать первые шаги), Костя зарабатывал деньги, обрывая по ночам персики в садах, охраняемых колхозом, после тащился на вокзал, бегал по перрону за уходящими вдаль поездами, продавая фрукты, покупая еду. Он окончил школу, затем колледж, при этом работал не покладая рук, упорно преследуя цель – быть таким, как все: завести собственную семью, стать прекрасным отцом, купить дом, ходить на любимую работу. Он мечтал о стабильности, которая у многих есть с рождения.

Костя разливал теплую водку крепкой уверенной рукой. Скромное кольцо на руке, мелкие морщины на лице, легкая седина в уже поредевших волосах, хорошая рубашка и автомобиль на стоянке говорили о том, насколько сильный этот человек. Он сумел стать тем, кем так давно мечтал оказаться. У каждого человека свое счастье, но добиться этого счастья одинаково трудно для всех. Мы выпили еще по одной, затем вышли покурить. Голова начинала подводить, легкое опьянение погружало меня на дно, поэтому, когда открылась дверь и свет стрелой выстрелил в глаза, координация стала подводить.

– Да-а, – протянул он, – вот и нет с нами больше его. – Костя достал сигарету, прикурил и передал мне зажигалку.

– Ага, печально все это. – Такие темы всегда прижимали меня к углу ринга. Этот спарринг я проигрывал.

– Он не слушал меня. Понимаешь? Я постоянно твердил ему, чтобы он прекращал пить. Да что толку? Надо было не разговорами помогать, а делом. Хотя его родной дядька, приезжая раз в неделю, дубасил его так, что он потом несколько дней не мог выходить на улицу, – Костя взглянул на меня в поисках ответа, я сделал несколько горизонтальных движений головой в знак негодования. – Ну, бил он его, а что толку? Витя убежал из дома, когда тот приезжал к ним. – Он закурил еще одну, мне тоже пришлось разоружать свою пачку.

– Никто не может исправить человека, какие бы попытки ни предпринимались. А если он этого захочет, значит, он сам себя и исправил. – Я задумался над своими словами: неужели и вправду никто не может изменить жизнь другого человека? При желании все всегда можно опспорить или убедить себя в чем угодно.

– Мы с ним все детство провели вместе. Да, мы выпивали. Кто не выпивал в старших классах? – Я кивнул головой, вспоминая школьные годы. Самые глупые и безмятежные времена. – Что за дурную жизнь он выбрал? В двадцать семь умереть от открытой язвы. Умереть от алкоголя. А сейчас мы пьем, поминая его. – Это показалось забавным, я не смог скрыть легкой ухмылки. Мы решили вернуться обратно.

– А ты многих знаешь людей, которые сидят за столами?

– Нет. Старики вроде бы соседи по улице, а мужики – местные пьяницы, я не уверен даже в том, знали они Витю или нет. – Такова реальность нашей жизни. Говорят, человек умирает тогда, когда люди лишаются воспоминаний о нем. А что делать, если и воспоминаний о тебе не осталось? Ты при жизни никому не нужен и после смерти о тебе никто не знает.

Алкоголь бил в голову, люди начинали прерывать молчание. Мы уселись на стулья, один из них захрипел. Тарелка стояла пустая, сегодня ей никто не будет пользоваться. Несколько бабуль уже собирались на выход. Женщины суетились, набивая одноразовую посуду едой, конфетами и печеньем.

Левый край заиграл цветами праздника. Четыре мужика нашли свою кондицию, как стрелка компаса находит нужный полюс. Они не стеснялись своего баса, выражений, жестов, отдаваясь в плен алкоголю. Они коснулись края, когда их рюмки зазвенели в радостном чоканье. Этого Костя уже не мог терпеть. Он сдержанно встал, отодвинув стул, и с багровым лицом ровным шагом направился к ним. Их небритые пропитые лица выдали удивление при виде хмурого человека, отвлекающего головы от веселья. Они желали только бутылку, ничего большего, никто из них, видимо, не помнил уже, почему находится здесь. Да и какая разница? Все равно это ничего не меняет. Костя держался хорошо. Несколько замечаний утихомирили бойцов на определенное время. Мы всё пили и пили, обновляя рюмки одну за другой. Люди расходились, прихватив с собой немного угощений.

– Послушай, – Костя был уже изрядно пьян, – неужели мы все так закончим? – Рюмка держала курс на самое дно желудка, а я не знал, что ответить.

– Не знаю, Кость. Даже не могу представить, как все закончится.

– Мы столько времени провели вместе с ним. Это мой брат, он жил, дышал, ходил, а сейчас его нет. Это часть меня, которую больше не вернуть. Поверь, если бы я мог, если бы я только мог, то все исправил, – круглые зеленые глаза покрывались коркой соленой слезы.

– Ты не виноват. Какой смысл так думать? Если хочешь держать внутри себя вину, тогда обвиняй всех. Мы все в этом виноваты. – Я находился не в своей тарелке, все это чуждо мне. Я не знал человека, лежавшего сегодня в могиле, не знал этих людей, не знал законов жизни, правил судьбы. Алкоголь горел внутри меня, приказывая сбежать отсюда.

– Давай выпьем еще по одной. – Отказаться нельзя. Еще одна доза горячего вошла в желудок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.